

Юлия Крынская

НАВАЖДЕНИЕ. СПАСТИ ДОЧЬ ДРУГА

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К85

Крынская, Ю.

К85 Наваждение. Спасти дочь друга / Ю. Крынская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 230 с.

ISBN 978-5-517-11602-4

Я хотел жениться на дочери погибшего друга, чтобы спасти девочку от её алчной матери. Но в свои тридцать восемь я выгляжу в глазах юной невесты всего лишь престарелым бабуином и любителем клубнички. В нашу первую встречу плутовка вырядилась в мешковину, взяла костыль и представилась Мими с бульвара. Моя цель — дать ей образование и путёвку в жизнь. Но Мира сбегает из дома в день предложения руки и сердца. Теперь я словно ищейка бегу по следу таинственного Шакала, к которому беглянка прыгнула в машину. Так ли этой взбалмошной девочке нужна моя помощь?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11602-4

© Крынская Ю., 2024
© Воинкова Д., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава 1

Мира

Ненавижу платья. Готова сейчас ножницами изрезать чёрный шёлк, сдавивший моё тело, как удав жертву. Зато мама с утра чуть ли не танцует самбу, вырядив меня куклой на продажу.

— Выйдешь замуж за Борцова и будешь обеспечена на всю жизнь. — Родительница собственноручно наутюжила мои непослушные тёмные пряди и перед приходом почёт-ного гостя приглаживает взбунтовавшиеся волосинки с помощью воска. — Обговорим с ним сегодня детали и, считай, уже мужняя жена.

Смотрю на мамино отражение. Выкрашенные в белый волосы, она собрала в строгий пучок. К приходу будущего зятя прикупила длинное синее платье. Оно выгодно подчёркивает её подсушенную ежедневными тренировками и питанием с подсчётом калорий фигуру, но в то же время выглядит строго. Бриллиантовые серьги, кольцо и перстень сияют в лучах осеннего солнца. Оно нескромно уставилось на меня в окно. «Шла бы ты сама за Бойцова», — так и рвётся с языка. Но вслух говорю другое:

— Отец не позволил бы выдать меня замуж без любви.

— Отец! Где он, твой отец? Ему всегда работа была дороже семьи. Вот и гикнулся раньше времени.

— Гикнулся. Ты говоришь, как про лошадь! — держась за фальшивый камин, снимаю туфли. Как на таких каблуках вообще можно ходить?

— Так он и пахал как лошадь, — кривая ухмылка искажает мамино красивое лицо. — Но председателем колхоза так и не стал.

— На тебя и пахал, — взрываюсь я. — И на твоё ЧСВ¹. Что же ты папины тренировки выкладывала для подписчиков, а про похороны умолчала?

Мамины глаза из-под накладных ресниц смотрят на меня со злобой. Мне кажется её ужимки и прыжки перед камерой, и её до добра не доведут. Мать создавала отцу невыносимые условия дома, выдумывая всё новые диеты и упражнения для его тучной фигуры. Папа, замдиректора крупного предприятия, приезжая с работы, давился брокколи с несолёной куриной грудкой; послушно глотал пилули с неясным составом, но гарантирующие плоский живот; выполнял упражнения, которые едва под силу бойцу спецназа, а не пятидесятилетнему человеку с сердечной недостаточностью. После одной из таких тренировок папа прилёг отдохнуть и больше не встал.

Потеряв единственный источник дохода, мать немного растерялась, но быстро собралась и взялась пристраивать меня замуж. Что называется, снова благими намерениями мостить дорогу в ад. Как раз мне восемнадцать стукнуло и в институт не хватило баллов. Воспитанная в строгости, я даже помыслить не могла пойти против родительницы. Думала, она ищет мне жениха среди сыновей своих подруг. Но вскоре узнала, что она сватает меня за мужчин значительно старше. И не просто сватает, а торгует. Сегодня в гости к нам заглянет начальник моего отца. Она на проходной завода объявление повесила, что ли?

— Богатый, респектабельный — сокровище, а не муж, — не перестаёт мать нахваливать перспективного жениха.

— Ты говоришь, как крыса из сказки...

¹ ЧСВ — чувство собственной важности.

Хлёсткая пощёчина заставляет меня проглотить конец фразы, но наружу вырываются слёзы обиды.

— Шла бы сама за него! — всхлипываю, не в силах больше сдерживаться.

— Тихо, Мира, тихо! Сейчас тушь потечёт, — мать хватает ватный диск с трюмо и ловит слёзы на моих щеках. — Никита Петрович — друг твоего отца. Плохого не сделает.

— Это его начальник!

— Они были дружны. Никита Петрович недавно потерял жену и ребёнка, ему хочется забыться.

— Вот и забудьтесь вместе!

— Я бы с радостью, но у тебя есть неоспоримое преимущество, — мать никогда не хмурится, ботокс не позволяет. Но я знаю, когда она недовольна или злится.

— Молодость? — задеваю за её больное место.

— Девственность! — усмехается она.

Кровь приливает к моим щекам. Слишком часто слышу от матери это слово: не потеряй девственность, сохрани девственность, не отдай девственность за бесценок. Последнее изречение меня вообще поставило в тупик.

— Мам, ну он же старый! И я его даже не видела никогда!

— Не такой уж и старый. И видела ты его. На похоронах отца. Шатен такой высокий...

— В отличие от тебя, я не разглядывала там мужчин.

Вспоминаю промозглое серое утро. Казалось, небо плачет вместе со мной. Отец до беспамятства любил мать, а для меня был лучшим другом. Она тиранила нас на пару, но мы умели устраивать друг другу маленькие радости. Воспоминания об отце нежные и светлые. В его выходной мы могли часами гулять по парку или кататься на лодке, лакомиться мороженым или покорять американские горки. Мама редко разделяла наши прогулки, участвуя постоянно в спортивных марафонах и снимая бесчисленные видео для блога. Я каждый день ждала отца с работы. Может, потому и не

обзавелась друзьями. Хочется, чтобы именно это было причиной, а не мнение одноклассников, что я старомодная и заносчивая. Ну не о чем было с ними разговаривать. Для многих Бетховен был просто собакой, а Наполеон — изысканным лакомством.

Звонок разливается трелью по необъятной квартире. Папа перед самой смертью купил хоромы на набережной Невы. За полгода мать так и не сделала ремонт, всюду коробки с вещами, плитка штабелями и окаменевшие мешки с цементом. Кажется, что мать с нетерпением ждёт, когда меня увезёт какой-нибудь престарелый принц на белой хромой кобыле, и квартира останется в мамином полном распоряжении. Тогда у нашей звезды будет и видеостудия, и спортзал, и будуар, и гостиная. Я здесь чужая. Мне плохо спится. Подолгу лежу на надувном матрасе и гляжу в окно от пола до потолка на проплывающие сухогрузы и катера с туристами.

— Что застыла, колода? Обувай туфли и дуй в гостиную! — шипит мать и семенит к двери, цокая серебристыми каблуками. Её голос разливается эхом по квартире: — Бегу, бегу!

Хочется распахнуть окно и упорхнуть подальше от этого дома. Но у меня нет крыльев, и с шестого этажа я могу лишь распластаться коровьей лепёшкой на асфальте. Воображение рисует пузатого мужика, похожего на крота. Сказка Андерсена про Дюймовочку — просто книга дня!

Из гостиной доносятся приглушённые голоса. Хватаю стакан с тумбочки, единственный предмет мебели в моей комнате, и падаю на колени возле розетки. Прислонив ухо к стеклянному доньшку, силюсь разобрать слова.

— Не рано вы отдаёте дочь, Регина Матвеевна? — старпёр говорит, чётко разделяя слова и расставляя акценты. Голос у него приятный, но это ничего не значит. Для меня он вонючий трюхлявый пенёк.

— Для вас просто, Регина, — стелется перед ним мать.

Господи, пусть он в неё влюбится! Она ему быстро путёвку в страну вечной охоты оформит.

— С чего бы вдруг просто Регина?

М-да, похоже, это и правда охотник за сладеньким. Судя по молчанию мамы, она хватается воздух ртом. Есть у неё такая привычка, когда негодование накатывает.

— Я вам задал вопрос, — мужик-то походу привык повелевать и властвовать.

— Девочка тяжело переживает потерю отца и завалила экзамены в институт. Как бы не свернула на кривую дорожку, — мать сыплет аргументами как горохом. Эта речь у неё отработана на подругах. — Так лучше пусть её возьмёт под своё крыло опытный и состоятельный мужчина. Мира не привыкла жить в нищете...

— Вы не похожи на нищенку, — вставляет ремарку собеседник.

— Спасибо за комплимент... — сюсюкает мама.

— Это не комплимент.

— Простите, — мать смолкает в растерянности.

— Я правильно понимаю, что вы не настаиваете на свадьбе? — да он просто мистер Сарказм.

— Лучше бы расписаться, конечно, но можно договориться... Вы, Никиточка Петрович, только поймите меня правильно.

— Чёрт побери, вы говорите точно сутенёрша!

Слышится скрип дивана и цокот маминых каблучков:

— Я не позволю меня оскорблять в собственном доме!

— Позвольте! Ещё как позвольте. Да, я готов жениться на вашей дочери и дать вам за неё хорошие отступные.

— Вот это другой разговор. — Мамин голос дрожит, и диван снова скрипит под её худым задом.

— Это пока, действительно, просто разговор. Товар где? Как там говорится про купца?

Но маме не до народного фольклора.

— Мира! Доченька! — хрипит она. Видно, от слова «отступные» у неё спазм в глотке.

Так противно, что будь в комнате кровать, я бы забилась под неё. Под матрасом прятаться нелепо. Если только я не собираюсь разыграть из себя дурную. А может, и правда устроить представление? Вскакиваю с колен и бросаюсь к напольной вешалке. Чтобы такое натянуть на себя? Идея! Рядом с вешалкой пристроилась коробка с моими театральными костюмами. Остались от школьных спектаклей.

С трудом нащупав на спине молнию невидимку, расстёгиваю платье и натягиваю на себя мешковину с заплатами, отороченную по краю горловины рыжим мехом. Водружаю на голову котелок с вуалью и нахожу в углу, спрятанный за лыжами костыль. На ноги надеваю чёботы из обрезанных старых сапог. Играла Лису Алису на Новый год, и за мной потом до самого выпускного таскались восторженные младшеклассники.

Мамин крик обрывает мои воспоминания:

— Мира! Мы ждём.

Бросаюсь к трюмо, рисую на щеке чёрную мушку и подвожу губы огненно-рыжей помадой. К встрече с женихом готова. Распахиваю дверь и ковыляю в гостиную.

— Что это на тебе? — испуганно таращится мать.

Но я уже не вижу её. Мне навстречу поднимается высокий мужчина лет сорока. Белый пиджак обтягивает мускулистые плечи. На скуластом лице расплывается восторженная улыбка, а рука со сверкающим золотым перстнем зарывается в тёмные вихры. Впервые в жизни понимаю, что значит тонуть в глазах, при этом отчаянно пытаюсь вынырнуть из омута серых глаз гостя. Злюсь ещё больше, и, добравшись до стола, расшаркиваюсь:

— Здрасьте! Маменька давеча говорили, что вы до молодых девиц сильно охочи... — Краем глаза подмечаю, как цвет маминого лица меняется с красного на бордо.

— Здрасьте... Как ваше имя, сударыня? — мужчина едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

Решаюсь усугубить:

— Люди на бульваре зовут меня Мими.

— Это потрясающе, — он оглядывается на мать и снова обращается ко мне: — И что ты делаешь на бульваре?

— А вы не догадываетесь? — жеманно повожу плечами.

— Бесподобно! — мужчина протягивает мне руку: — Никита. Друг твоего отца и с этой минуты поклонник твоего таланта.

Глава 2

Никита

Слушаю сбивчивый доклад Корнея Борисовича, моего нового зама. Недовольно поглядываю на его раскрасневшееся лицо, похожее на морду мопса. Корней! Ему бы в писатели пойти, как его известному тёзке. Такие басни на собеседовании сочинял. Но меня убедили его характеристики с прошлого места работы. Возможно, кадровик написал их с единственной целью — сбегрить ценный кадр. Другого на ум не приходит. Хорошо, что я ещё не подписал контракт с Корнеем.

Досадливо поджимаю губы и прохаживаюсь по просторному кабинету. Веду рукой по полированной спинке стула, на котором любил сидеть мой бывший зам. Да, Серёгу не заменит никто. С тоской поглядываю в окно на вереницу работяг, тянущуюся от проходной к воротам. За ними строй распадается, люди расходятся по корпусам. Всё как обычно, но у меня предчувствие, что грядут необратимые перемены. Придётся управлять производством без надёжного плеча друга. Хоть разорвись.

— Вот, собственно, и всё, — Корней жестом фокусника достаёт из рукава несвежего пиджака клетчатый платок и протирает лысину.

Так и хочется отвесить ему смачный подзатыльник за отчёт и неопрятность. На собеседование хитрец оделся с иголочки и заливался соловьём. Ладно, пусть живёт пока. Не хочется руки пачкать.